

Его голос звучал сурово и мрачно, а в глубине глаз застыла ледяная решимость — даже у матушки Цюй сердце невольно екнуло. Она помнила молодого господина еще крошечным мягким комочком, видела, как он рос и превращался в статного юношу, но такое выражение лица видела у него впервые. Ей казалось, что после поездки в Чэнхэ в наследнике что-то безвозвратно изменилось.

Не дав ей опомниться, Хэ Гу продолжил:

— Я намерен вернуть матушкино приданое. Матушка, у вас сохранилась опись имущества, с которым она вошла в этот дом?

Матушка Цюй на миг растерялась.

— Ох... Столько лет прошло. Опись должна была остаться, но боюсь, сразу я её не найду.

— Ничего, — ответил Хэ Гу. — Вы поищите, а если не найдете, составьте для меня новую по памяти.

Закончив разговор, он уже собирался покинуть павильон Ваншу, как вдруг со спины раздался радостный возглас:

— Брат!

Хэ Гу обернулся и увидел Хэ Жун. За ней, запыхавшись, бежала служанка: прическа девочки была готова лишь наполовину, и вторая часть волос всё еще была в руках бедной девушки, которой приходилось семенить следом, чтобы не дернуть госпожу за голову. Матушка Цюй поспешно перехватила пряди мягких волос Хэ Жун и принялась ловко их укладывать.

— Господин редко заходит, — с улыбкой сказала она Хэ Гу. — Барышня, видно, соскучилась. Не желаете ли остаться на завтрак?

Хэ Гу не нашел в себе сил отказать и, коснувшись кончика носа, согласился.

День выдался чудесным, так что слуги вынесли столик прямо на террасу. Брат и сестра завтракали на свежем воздухе: пышные маньтоу были мягкими и нежными, а яркие закуски — легкими и освежающими. Хэ Жун, уплетая булочку, вдруг внимательно посмотрела на брата и спросила:

— Брат, ты что, плохо спал ночью?

Матушка Цюй, подливая кашу в миску девочки, тоже обеспокоенно спросила:

— Неужели в Бяньцзине вода и земля вам не в радость после возвращения?

Хэ Гу заглянул в свою чашку с чаем: в отражении под его глазами отчетливо виднелись темные круги. Причина была, мягко говоря, неловкой... Вчера, когда он отправился в Хуаюэ за кузенком, он мельком увидел процессию Старшей принцессы. Того мимолетного мгновения хватило, чтобы он был сражен наповал.

Возможно, из-за того, что он вырос в семье военных, а может, из-за психологической травмы, нанесенной мачехой, Хэ Гу с детства не жаловал излишне хрупких и болезненных девиц. Но вот беда: в нынешней империи Юэ идеалом красоты считалась именно немощная слабость, от которой Хэ Гу становилось невыносимо скучно. Он даже начал подозревать, что женщины его

вовсе не интересуют. В их краях мужская любовь не была диковинкой — поговаривали даже, что прадед нынешнего Государя, император Гао-цзу, возвел на трон мужчину-супруга и, несмотря на ропот двора, прожил с ним в любви до самой старости.

Хотя Хэ Гу считал сказки о том, что у той пары родился сын, чистым вымыслом (ну как мужчина может родить?), это не мешало ему в прошлой жизни сомневаться в своей ориентации. Раз не нравятся женщины — значит, тянет к мужчинам. Но когда он посетил лучший «мужской бордель», вид накрашенных и жеманных юношей вызвал у него лишь табун мурашек и желание сбежать. Так он и прожил холостяком до тридцати.

Но Хэ Гу был здоровым мужчиной. После той встречи на улице его тело оказалось честнее разума. Всю ночь молодому господину снились грезы столь бесстыдные, что он почти не сомкнул глаз. Посреди ночи, не в силах больше терпеть, он был вынужден под покровом полога справиться с нахлынувшим возбуждением самостоятельно. Его нынешнее юное тело было слишком чувствительным, а стоило ему закрыть глаза, как перед мысленным взором возникал ледяной взгляд миндалевидных глаз Старшей принцессы. Это довело его до такого иступления, что он промучился почти до рассвета. Поспать удалось от силы час, отсюда и круги под глазами.

Конечно, матушке Цюй, а тем более Хэ Жун, правду говорить было нельзя.

— Э-э... Наверное, просто еще не привык к климату, — кашлянул он.

Матушка Цюй запричитала, обещая сварить ему куриный бульон, но Хэ Гу её почти не слышал. Попрощавшись с сестрой, он вышел из павильона вместе с Чжэнъе, вновь погружившись в свои мысли. Честно говоря, для Хэ Гу это был первый раз за две жизни, когда он занимался подобным, представляя конкретную женщину. Он чувствовал вину за крайнее неуважение к принцессе и в то же время не мог перестать прокручивать тот сон в голове...

«Проклятье... Неужели я настолько изголодался по близости?»

И тут его озарило. Вань-ши подала его данные во дворец, императрица выбирает фума... В прошлой жизни этот брак наверняка состоялся бы, если бы не вмешательство наследного принца. Тогда Хэ Гу не видел принцессу на улице и сам просил принца помочь с отказом. Теперь же он не собирался сблизиться с наследником, а после той встречи и сна... получается, он положил на нее глаз?

Хэ Гу сглотнул. Он никогда никого не любил и не знал, каково это. Но, вспоминая опыт сослуживцев в казармах, его суровое мировоззрение подсказало: «Если ты хочешь делать с ней такое — значит, это любовь». Неужели его чувства настигли его так внезапно спустя две жизни?

Чжэнъе, заметив, что господин витаает в облаках, а его лицо вдруг залил густой, подозрительный румянец, обеспокоился:

— Господин, вам точно нездоровится? Почему вы так покраснели?

Хэ Гу медленно повернулся к нему. От его взгляда у слуги мурашки пошли по коже.

— Чжэнъе... у тебя есть девушка на примете?

Слуга опешил:

— Пока нет... Я об этом и не думал.

— Но любовь не будет ждать, пока ты надумаешь, — назидательно произнес Хэ Гу. — Что, если она придет раньше?

— А... Но я еще не готов жениться...

Хэ Гу обреченно вздохнул: «Забудь».

Видя разочарование господина, Чжэнъе поспешил исправиться:

— Но хоть я и не женат, мой кузен с женой живут душа в душу уже два года. Неужели вам кто-то приглянулся? Я хоть и не опытен, но кое-что слышал...

Хэ Гу замялся, пнул камешек на дороге и вдруг спросил:

— И за что твой кузен любит жену?

— Кузен мой статный, сильный, человек надежный и честный. У него десять му земли в дельте*, три коровы...

— А она? За что он любит её?

— Они обручены с детства. Она хозяйственная, рукодельница, готовит вкусно, родителей почитает. И красавица к тому же...

Глаза Хэ Гу блеснули:

— Красавица?

— Ну да, а что?

— А если любишь женщину только за то, что она красавица... это считается любовью?

Чжэнъе замолчал. Хэ Гу занервничал:

— Что ты молчишь?

— Только из-за красоты? — переспросил Чжэнъе. — И вам совсем не хочется смотреть с ней на луну или гулять на празднике фонарей?

Лицо Хэ Гу стало совсем странным. Он долго молчал. Сказать прямо, что хочет с ней спать, было бы слишком низко и выставило бы его подлецом. Он долго подбирал слова и наконец прошептал:

— ...Ну, а если я хочу, чтобы она родила мне детей, это считается?

Чжэнъе: — ...?

Примечания:

Один му \approx 667 кв. м.

Дельта — плодородные угодья в низовьях реки.

<http://bllate.org/book/15879/1615344>